

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ Л. ШЕСТОВА

*Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования РФ,
грант на проведение фундаментальных исследований в области гуманитарных наук, № ГС 211-239*

В творчестве Л. Шестова история философии генетически и критериально обуславливает каждую создаваемую философему. Своеобразие осознания конститутивного значения истории философии для философского творчества определяет нестандартный подход Шестова к реконструкции учения прошлого. Историко-философское исследование дает возможность реконструировать дифференцирующее начало философствования, тем самым оно является значимым в метафилософском аспекте. В её контексте рассматривается вопрос об объективности историко-философского исследования. Для рациональной реконструкции важна идентичность философского предмета, независимого от многообразия познавательных актов, направленных на него, кульминации историко-философского процесса определяется полнотой его экспликации. Для Шестова объективность фундируется конгенитальностью исследователя и автора текста. Сам процесс истолкования понимается как движение от выражения к выраженному, субъективному содержанию путем вскрытия мотивов творчества и рассмотрения его в контексте единства образа жизни и образа мысли. Типологический метод специфицирует историко-философские исследования Л. Шестова.

В исследовательской литературе сложилось мнение, что тексты Шестова [7–13, 15, 16] не дают объективного представления об истории философии. Подменяя собственными взглядами и догадками систематическое рассмотрение философских учений, Шестов превращает их авторов в своего рода литературных персонажей, подчиненных его воле, «шестовизирует» их. Согласно этому представлению, история философии для Шестова является иллюстративным материалом, необходимым для изложения своего мнения как философского, т.е. имеет исключительно служебную функцию [1–6]. Её «внешнее» положение по отношению к содержанию философствования Шестова объясняет отсутствие развернутых исследований на эту тему.

Однако тщательное изучение Шестовым философских текстов, аккуратное и обильное цитирование, интенсивность философского диалога, как концептуального, так и реального, историко-философский характер основных сочинений не позволяют считать обращение к истории философии внешним приёмом, а указывают на значимость этой темы как для творчества Шестова, так и для уяснения специфики философии в его понимании. Как утверждает Шестов, «Для нас история философии основная наука – и основная наука не как для историков, а как для философов».

Историко-философское исследование, будучи необходимым структурным моментом философского акта, генетически обуславливает философствование и является критериально значимым. Осознание конститутивного значения истории философии для философствования определяет нестандартный подход Шестова к реконструкции историко-философского процесса. Однако именно истолкование истории философии определяет методологическую специфику философствования Шестова.

Следует отметить, что Шестов намеренно не ориентируется на установившийся канон историко-философского исследования и игнорирует исторический метод, который обеспечивает в традиционном понимании объективную репрезентацию мысли прошлого.

С целью эксплицировать и каталогизировать подход Шестова и к реконструкции историко-философского процесса используем предложенное Р. Рорти [17] выделение четырёх канонов историко-философских исследований – доксографии, рациональной реконструкции, исторической реконструкции, истории духа – как

наиболее общих и эвристичных для классификации историко-философских исследований.

Большинство историко-философских работ [14, 18], согласно этой классификации, носят доксографический характер. В них история философии по преимуществу представлена персоналиями, учениями тех, кого считают философами, и общепризнанным набором фундаментальных философских проблем и тем: о сознании, о познании, о бытии. Такого рода исследования наиболее распространены и популярны, они формируют общепризнанное восприятие истории философии как последовательного разворачивания и решения одних и тех же проблем в одном универсальном горизонте.

Универсальный горизонт описания, единство и внутреннее движение проблемного поля философии определяют объективность исследования в рамках доксографического жанра историографии. Вольности, тенденциозности и недостоверности интерпретации философских текстов, за которыми скрывается неприятие канонического истолкования философской проблематики и изложения общего хода мысли, Шестова упрекают именно с точки зрения доксографии. Однако сама она не свободна от слабостей. Основной изъян данного историографического жанра состоит в том, что прошлое канонизируется и превращается в музейный экспонат, лишенный внутренней связи с настоящим. Мыслители, которые выходят за рамки наиболее популярной и распространенной схемы, исключаются доксографами из истории философии. Релевантность доксографии невозможно подтвердить, так как в её рамках не осознается историко-культурная дистанция между автором и интерпретатором.

Будучи в этом смысле антиисторичным, такое исследование предполагает позицию нейтрального универсального наблюдателя. Шестов активно эксплуатирует образ кабинетного профессора, коллекционера мнений великих философов, в целях демонстрации неэффективности такого подхода к философии. Ироническое обыгрывание этой ситуации направлено на проблематизацию единства и последовательности истории философии через указание на отсутствие весомых оснований для единого и нейтрального взгляда на философский процесс.

Разрушить общепринятое и авторитетное мнение, показав его несостоятельность или возможность иного предположения, означает для Шестова высвободить свое-

образе, «отдельность», в терминологии Шестова, философского положения из философского архива, очистить от музейной пыли и включить его в перспективу собственного философствования. Отсутствие незаинтересованного, нейтрального взгляда на историю философии нарушает принцип объективности – непременное требование доксографического исследования.

Предметом историко-философской реконструкции выступает не текст как графический феномен, имеющий все признаки объекта, самоотжественного, существующего независимо от направленных на него познавательных актов, а смысл, интерпретация которого определена предпосылками исследователя. В истории философии нет «нейтральных» фактов, находящихся вне контекста интерпретации.

Достоверность, аргументированность выводов историко-философского исследования должны подтверждаться корректным цитированием, но цитата как факт историко-философского исследования нуждается в интерпретации, и вне её не существует. Приём цитирования в сочинениях Шестова весьма распространён. Как правило, берутся обширные цитаты на языке оригинала с целью избежать упрека в «шестовизации» цитируемого текста. Шестов цитирует фрагменты, к которым редко обращаются другие исследователи, поскольку они не соответствуют каноническому восприятию творчества цитируемого мыслителя, либо цитируется общепринятый фрагмент, но сопровождается комментарием, противоположным общепринятой интерпретации. Возникшая в результате несогласованность между восприятием творчества философа в целом и выбранного фрагмента, между подходом автора и подходом интерпретатора, между канонической интерпретацией и истолкованием, предложенным Шестовым, наталкивает на предмет философствования, диссоциация восприятия которого снимается на новом онтологическом уровне, на котором предмет ассоциируется, обогащаясь новыми контекстуальными связями в предложенной перспективе философствования.

Если для доксографа цитата является нулевым, первичным уровнем достоверности, то для Шестова цитирование по принципу контраста становится способом проблематизации установленных историко-философских образцов истолкования философии Шестов, прибегая к цитированию, осуществляет своего рода пародию такого исследования.

Жанр рациональной реконструкции, который практикуют, например, аналитические философы, нацелен на поиск предыстории, кульминацией которой являются доктрины самих исследователей. В рамках рациональной реконструкции история философии изображается как история предвосхищения открытий. Творчество великих философов осовременивается, т.е. к ним апеллируют как к мыслителям, способным поддержать или опровергнуть ту или иную современную философскую позицию, благодаря чему она приобретает историко-философскую проекцию и подтверждает свой профессиональный статус. Философы прошлого в традиции данного подхода, получившего распространение в последнее время, рассматриваются со стороны догадок, созвучных современной тематике и одновременно получивших в современности наиболее полное и профессиональное выражение. «Рациональная реконструкция» превращает мыслителей

прошлого в живых собеседников, предлагающих свою точку зрения и ведущих с нами продуктивный диалог.

Недостаток этого жанра является продолжением его достоинств и заключается в его внеисторическом характере. Он предполагает соизмеримость догадок, ответов и вопросов философов прошлого и современности, нивелируя историческую дистанцию между ними. Доктрина, лежащая в основе рациональной реконструкции, выступает целью реконструируемого историко-философского процесса и является источником философских предпочтений, определяя не только ценность философских учений, но и философскую принадлежность мыслителя. Данный подход задаёт жесткую монистичность истолкования истории философии как сквозного развития мысли и ставит основной акцент на развитии доктринального уровня философии.

Однако, как представляется, жанр рациональной реконструкции отчасти соответствует способу истолкования истории философии Шестовым. Он, обращаясь к персоналиям прошлого, рассматривает их как собеседников в горизонте собственной заинтересованности и предпочтений. Вне философского диалога, осуществляющегося сквозь времена, для него не может состояться философствование. Философское самоопределение Шестова опосредовано истолкованием ряда философских позиций и истории философии в целом. Однако философские ценности, принимаемые Шестовым, и избранная им стратегия философствования способны внести значительные коррективы в этот метод. Сторонники рациональной реконструкции и Шестов расходятся в понимании принципа объективности историко-философского исследования.

Главное отличие состоит в нацеленности Шестова на проблематическое, которое видится источником движения философской мысли. Обнаружение действительных и мнимых противоречий как внутри философских учений, так и между философскими доктринами, традиционно объединяемыми под одной историко-философской рубрикой, не согласуется с намерением рассматривать историю философии сквозь призму подобия доктрин и вопросов. Шестов расставляет другие акценты.

Историко-философская реконструкция Шестова направлена на открытие дифференцирующего начала философствования, скрытого под слоем философских учений, и в этом смысле она имеет метафилософское значение. Начало философствования становится доступно только посредством обращения к различным философским практикам.

Шестов не остаётся в стороне от вопроса об объективности историко-философского исследования. Но если в контексте рациональной реконструкции его объективность основывается на идентичности философского предмета, существующего независимо от многообразных познавательных актов, направленных на него, а движение к кульминации историко-философского процесса определяется полнотой его экспликации, то для Шестова условием объективности историко-философского прочтения текста является уникальность творческого процесса его создания, результатом которого выступает актуализированный субъективный смысл, вложенный в текст автором, и его независимость от последующих истолкований.

Процесс истолкования понимается Шестовым как движение от выражения к выраженному актуальному

субъективному содержанию. Методически адекватная интерпретация сопровождается ограничением на привнесение в неё собственных предубеждений и одновременно ориентацией на конгениальность. Она достигается путём вскрытия мотивов творчества и рассмотрения его в контексте единства образа жизни и образа мысли философа.

Вместе с тем можно выявить ситуации, в которых рациональная реконструкция как бы реализуется самим Шестовым, например, при критике рационализма с его программой «доверия разуму».

Обращение к мотивам творчества философов и проведение принципа единства образа жизни и образа мысли служат основанием для сопоставления истории философии, по Шестову, с жанром исторической реконструкции истории философии.

Этот жанр состоит в исследовании исторического контекста реконструируемых философских учений с целью выявления исторических детерминант философского творчества, определивших его содержание. Рассмотрение актуальных в то время проблем, культурных стереотипов, преобладающих стилей мышления, схватывание «духа эпохи», культурного или социально-экономического уклада служит контекстуальному определению взглядов философов прошлого. Согласно логике исторической реконструкции, понимание того, где и когда складывается философская доктрина, позволяет понять, почему именно такое содержание приобретает философствование.

Следует заметить, что Шестов не разделяет полностью исторический подход к истории философии. Историческая реконструкция существенно ограничена, так как должна учитываться специфика философствования, которую нельзя редуцировать к внешней исторической среде.

Сквозное движение философских вопросов, лежащее в основе актуальности историко-философского исследования, Шестов предлагает рассматривать независимо от преобладающего в историческую эпоху образа мысли. Общие культурные и социально-экономические детерминанты не определяют нюансы философской позиции. Философствование обладает достаточной свободой и не может быть выведено из чего-либо другого, т.е. в этом отношении оно является независимым от духа эпохи и от доминирующих стилей мысли.

Для Шестова историко-культурным начинанием философствования является не нахождение в историческом контексте, а выпадение из него, отталкивание от него и столкновение с ним, что задает важнейший атрибут философии – её несвоевременность.

Элиминирование случайного, уникального события, которое осуществляет историческая реконструкция, является, согласно Шестову, слабым местом исторической науки в целом и истории философии в частности.

Несмотря на негативное отношение к такой методологической установке, Шестов модифицирует её, используя позитивные ресурсы для избранной им стратегии философствования. Универсальный общеисторический контекст, или контекст культурно-исторической эпохи, рамка философской парадигмы сменяются локальным контекстом частных, жизненных обстоятельств. Шестова интересует болезнь Паскаля и Ницше, «каторга» Достоевского, жизненная драма Толстого, личная неудача Киркегора. Они значимы не сами

по себе, а поскольку могут показать и оттенить момент обращения воли, возникающее философское усилие.

Шестов расширяет источниковедческую базу историко-философского исследования. В поле рассмотрения попадают не только опубликованные работы, признанные зрелыми и значимыми, но и дневниковые записи, письма, частные высказывания, которые привлекают Шестова как источники, позволяющие подвергнуть сомнению канонический образ мыслителя и проследить жизненные обстоятельства философствования. Обращение к ним служит репению собственно философских задач.

Сопоставление жизни и доктрины философа реализует философу переоценку ценностей, согласно которой следует оценивать не жизнь с точки зрения смысла, а смысл с точки зрения жизни. Таким образом, жизненные обстоятельства способны в своём роде верифицировать философскую доктрину и подать основания сомневаться в её истине. Шестов неоднократно ставит вопрос об изменении содержания философского учения, претендующего на вечную истину, при перемене личной ситуации его автора. Несогласованность жизни и доктрины мыслителя выступает одним из источников философской динамики и является предметом интерпретативного усилия в философствовании Л. Шестова. Типологический метод является определяющим в историко-философских исследованиях Шестова.

Истолковать смысл философского учения для Шестова означает обнаружить стоящий за ним мотив. Перед исследователем встает задача выявить скрытые мотивы обращения автора к философской деятельности и показать их роль в формировании её содержания. Философская доктрина в целом рассматривается как знак, перейти к смыслу которого возможно, раскрыв её скрытый источник. Исходя из принципа единства образа жизни и мысли, предметом интерпретации становятся обстоятельства жизни философа. Пограничная ситуация, личная драма, пережитая трагедия обнаруживают жизненное противоречие, на снятие которого направлено философствование и которое, тем самым, скрыто в философском учении. Шестовым разоблачается также несоответствие философской доктрины и действительного замысла философии. Данный подход Шестова к историко-философским ситуациям служит причиной для обвинений в «психоаналитическом сыске».

Однако данный методический прием не должен рассматриваться в философии Шестова как самодостаточный, безотносительно к философскому замыслу в целом. Локальный, частный жизненный контекст философствования он реконструирует с целью показать детерминанты философской динамики, источники философского усилия, благодаря чему интерпретативные отношения внешней историко-культурной традиции преобразуются во внутренние отношения сопоставления, схождения и расхождения стиля жизни и стиля мысли философа. Столкновение и внутренняя борьба мотивов, переоценивание ценностей являются источником философской вовлеченности и философских предпочтений.

Основное отличие от жанра исторической реконструкции заключается в понимании исторического, которое Шестов рассматривает не как внешнюю среду, которая оказывает влияние на философствование и в

которой философия обнаруживает себя, а как необходимый способ существования философии.

Интерес к проблематическому, а не догматическому началу философии является основанием для сравнения подхода Шестова к истории философии и историко-философского нарратива или истории духа.

Представителями этого канона историографии являются Гегель, Хайдеггер, Фуко. Для них свойственно целостное описание творчества мыслителя и внимание к постановке проблем, а не к их решению. Они создают «образ» философского творчества, который отражает не только рационально-догматические, но и эстетические аспекты мышления. Внимание направлено не столько к статике, к результату философского акта, сколько к динамике философствования и ее условиям.

Историко-философское повествование предполагает сортировку проблем на философские и несерьезные, квази-проблемы, относительно которых определяется: кто из философов является великим и достойным внимания, а кто — нет. Особое отношение к подобной процедуре имеется у Шестова. Он намеренно и декларативно отказывается от миссии судьи, способного окончательно определить философские заслуги, так как пытается опровергнуть принцип доминирования и мнимую привилегию правоты, в том числе и в границах истории философии. Противопоставляя настоящие философские вопросы мнимым, тем, что подделываются под философию, Шестов ставит под сомнение преобладающее представление о философии и организует историю философии вокруг движения философского вопрошания. Единство истории философии складывается вокруг философских «вопросов», способом существования которых является история. В этом смысле история философии может быть рассмотрена как движение вокруг этих «вопросов». Подобное рассмотрение становится возможно посредством сопоставления «явной» и «тайной» философии и, следовательно, явной и скрытой истории философии.

История философии акцентирует столкновение и расхождение явной и скрытой философии. Таково главное отличие историко-философского подхода Шестова от практики историко-философского нарратива.

Очевидно, что Шестов не рассматривает творчество философов всесторонне, не охватывает все доктринально-методические аспекты в их взаимосвязи и не занимает позицию нейтрального наблюдателя. Описание философской позиции, предлагаемое Шестовым, может быть названо цельным только в смысле интерпретативного единства образа жизни и образа мысли. Типологический метод имеет преимущественное значение для спецификации историко-философских исследований Л. Шестова. Утверждение относительности историко-философского истолкования ставит под вопрос его достоверность. Оно не отвечает традиционному понимаемому критерию адекватной репрезентации, и, одновременно, не является абсолютно произвольным.

На основе анализа произведений Шестова можно сделать вывод, что он осознает обусловленность реконструкции философского учения собственными философскими интенциями. Критический подход к истории философии формирует внутренний критерий достоверности. Как представляется, для Шестова реконструкция истории философии не является исключительно попыткой подтвердить свою философскую позицию, создать

историческое фантомное тело своего творчества. Исходя из стратегии философствования, историко-философская реконструкция используется им и как инструмент дискредитации философского рационализма и как необходимый момент философствования.

Методически обращение к истории философии для Шестова является необходимым, так как экспликация собственного философствования и истолкование предшествующего совершаются одновременно. Мотив преодоления инаковости прошлого философского творчества, ассимиляции предшествующих философских актов на основе акта вживания определяет специфическую достоверность историко-философской реконструкции в рамках философской позиции Шестова. Достоверность определяется тем, что его условие — дистанция — реконструкцией окончательно не снимается, а присутствует как необходимый проблематический момент, момент неопределенности, который фиксируется в текстах Шестова как незавершенность и гипотетичность истолкования. Задачи философии и понимание философского предмета определяют апофатическую направленность интерпретации, которая подчеркивает присутствующий в ней не снятый момент чуждости. Он, в свою очередь, является одним из источников динамики философствования Шестова.

Сопоставление подхода Шестова к истории философии, который был восстановлен путём анализа и комментария историко-философских интерпретаций, осуществлённых в текстах Шестова, и четырёх канонов истории философии позволяет выявить специфику интерпретации истории философии в рамках философствования Шестова, которая не подпадает ни под один из указанных канонов, и показать, в какой мере и в каком сочетании у Шестова можно обнаружить элементы каждого из четырёх канонов.

Для того чтобы эксплицировать подход к истории философии и выявить основную интенцию философствования Шестова, необходимо обратиться к пониманию соотношения наследия и новации в философии. Противоположную Л. Шестову позицию по этому вопросу занимает Г. Шпет [19–21]. Их сопоставление позволяет выявить специфику позиции Шестова.

В литературе хрестоматийным является представление о Г. Шпете как о философе-новаторе [10]. В отличие от него Л. Шестов предстает философом, обращенным скорее назад, чем вперед. Однако понятие и статус наследия и новации в философии Шпета и Шестова определен неожиданным, для расхожих мнений, образом.

Изменение подхода к истории философии определено трактовкой соотношения наследия и новации в рамках философии Л. Шестова. По Шпету, вне философского наследия не может состояться философия. Polemica положительной и отрицательной философии намечает дальнейшие возможности её развития. Традиция в расширительном толковании выступает основой философских задач и интерпретаций, образует поле возможных новаций, определяет их качество относительно единого канона и меры философствования. Каждый следующий шаг определяется по отношению к прошлому не только как новый и оригинальный, но и формально — как философский, оценочно — как позитивный или негативный и содержательно — как черпающий в наследии разумную мотивацию. Новация в границах такого подхода оказывается условной, поскольку является модификацией осуществления философской идеи

в меняющемся историко-культурном контексте. Наследие доминирует над новациями. Для Шпета новация выступает элементом развития и актуализации традиции.

Согласно Шестову, наследие постоянно проблематизируется в перспективе обновления. Тотальности наследия противопоставляется внутреннее противоречие, борьба идей, мнений, мотивов, предпочтений. Обращаясь к истории философии, Шестов акцентирует внимание на новациях, которые основываются на уникальности творческого философского акта.

Новации невозможно редуцировать к влияниям, заимствованиям, модификациям, к элементам наличных философских доктрин, к историко-культурным детерминантам. Шестов подчеркивает, что негативность новации не позволяет ассимилировать новое. Новация разрывает континуум традиции, она не утверждает новых положений, новизна которых всегда условна, а состоит в постановке вопроса. Доктрины, составляющие содержание философской традиции, вторичны, они должны быть поставлены под вопрос и преодолены. Переоценивание ценностей, по Шестову: позитивная оценка философских новаций и негативная оценка догматического наследия. Философствование рассматривается Шестовым как последовательное возвращение вопрошания, сохраняющего свою значимость в рамках любой философской доктрины. Проблематизация философского наследия является основной интенцией философствования Шестова. Следуя предложенной Шестовым интерпретации, принципиально новое в философии основывается на уникальности творческого философского акта, результатом которого оно является.

Принципиальным моментом реконструкции новации является невозможность редуцировать её к влия-

ниям, заимствованиям, модификациям, к элементам наличных философских доктрин, к историко-культурным детерминантам. Шестов подчеркивает негативную силу и проблемный характер новации, не позволяющие её ассимилировать, включить принципиально новое в последовательное разворачивание содержания одного философского подхода. Она является местом разрыва его доктринального единства и заключается не в утверждении новых положений, новизна которых является условной, а в постановке вопроса.

Доктрины, претендующие на завершение философии, должны быть поставлены под вопрос и преодолены, и в этом смысле они составляют необходимый аспект истории философии. В целом переоценивание ценностей влечет позитивную оценку философских новаций и негативную оценку застывшего единообразия содержания философского наследия, одновременно меняя понимание философской традиции.

Традиция философствования в широком смысле рассматривается в данном контексте как последовательное возвращение вопрошания, сохраняющего свою значимость в рамках любой философской доктрины. Поэтому обращение к истории философии, в этом смысле, является необходимым моментом философствования. Историческая преемственность устанавливается Шестовым не на уровне единства доктрины, а на уровне последовательной реализации мотива философствования, определяющего соотношение доктринального и проблематического аспекта философии. История философии предстает в текстах Шестова не столько как единая последовательность развития доктрин, сколько как движение вопросов, их постановка, снятие, комбинация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестов Л. Кьеркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992. 304 с.
2. Шестов Л. Сочинения в двух томах. М.: Наука, 1993. Т. 1. 667 с.
3. Шестов Л. Сочинения в двух томах. М.: Наука, 1993. Т. 2. 560 с.
4. Шестов Л. Сочинения. М.: «Раритет», 1995. 431 с.
5. Шестов Л. Сочинения в двух томах. Томск: Водолей, 1996. Т. 1. 511 с.
6. Шестов Л. Сочинения в двух томах. Томск: Водолей, 1996. Т. 2. 446 с.
7. Бердяев Н. А. Основная идея философии Л. Шестова // Путь. Париж. 1938–1939 (ноябрь – январь). С. 44–49.
8. Асмус В. Ф. Лев Шестов и Кьеркегор (Об отношении Льва Шестова к зачинателю западно-европейского рационализма) // Философские науки. 1972. № 4. С. 70–81.
9. Емельянов Б. В. Религиозный экзистенциализм. Л. Шестов, Н. Бердяев // Емельянов Б. В., Аржанухин С. В., Холстинин Р. Н. Очерки русской философии 18–20 вв. Екатеринбург, 1994. С. 73–91.
10. Калинин В. Густав Шпет: от феноменологии к герменевтике // Логос. 1992. № 3. С. 37–62.
11. Кувакин В. А. Опровержения и предположения Л. Шестова // Философские науки. 1990. № 2. С. 53–64.
12. Кувакин В. А. Опровержения и предположения Л. Шестова // Философские науки. 1990. № 3. С. 54–65.
13. Курабцев В. И. Альтернатива Льва Шестова // Общественные науки и современность. М., 1991. № 2. С. 175–181.
14. Ахутин А. В. Тяжба о бытии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 304 с.
15. Морева Т. М. Лев Шестов. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. 88 с.
16. Ева Паткош. Антирационализм Льва Шестова // Studia Slavica Hung. 1993. № 38 (1–2). С. 125–137.
17. Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М.: Традиция, 1997. 288 с.
18. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
19. Шпет Г. Г. Мудрость или разум // Шпет Г. Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 222–337.
20. Шпет Г. Г. Работа по философии // Начала. 1992. № 1, вып. 31. 50 с.
21. Шпет Г. Г. Явление и смысл. Томск: Водолей, 1996. 192 с.

Статья представлена кафедрой истории философии и логики философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 10 февраля 2004 г.